

Наедине со своим плохим "я" Дженис играет в игру "Притворство".

"Счастливого мне Рождества", - сказала Дженис, готовясь к сексу вместо того, чтобы готовиться ко сну.

Возбужденная сексуальным предвкушением того, что наконец-то впервые займется сексом со своим сыном Джерри, она не могла поверить, что их отношения матери и сына превратились в кровосмесительные. Готовясь к приходу сына в свою спальню, вместо того, чтобы снять макияж в столь поздний час, она нанесла его заново. Представляя, как будет целовать сына, она прижалась к своему отражению в зеркале, чтобы идеально накрасить губы ярко-красной помадой. Нанеся помаду на его щуп, словно надеясь заклеить сына своим материнским знаком, она не могла дождаться, когда оставит красное кольцо вокруг его члена.

Обнаженная, прежде чем скользнуть в свою сексуальную ночную рубашку, думая о себе как о зрелой версии леди Годивы, она посмотрела на себя в зеркало во весь рост. Поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, она смотрела на свои большие груди, подтянутый, плоский живот, светлую, подстриженную киску, а затем повернулась, чтобы посмотреть на свою все еще стройную попку. Сравнительно для женщины ее возраста, хотя и немного предвзято, потому что это было ее тело, она выглядела неплохо для 49-летней женщины. Легко, если бы она подумала про себя, что могла бы сойти за молодую лет на десять. Когда большинство женщин ее возраста страдают ожирением, замужем, разведена, покончила с мужчинами, покончила с флиртом и дразнением противоположного пола, воспряла духом, еще не покончила с сексом, возможно, ее последним "ура", она только начинала со своим новым любовником, ее сыном Джерри.

Она расчесала и уложила свои длинные, красивые, светлые волосы так, как нравится ее сыну, - длинные и свободно ниспадающие по спине, словно золотой водопад, каскадом спускающийся с залитого солнечным светом утеса. Укладывая волосы, она представляла, как ее сын проводит своими большими, сильными руками по ее волосам, пока она сосет его член. Она всегда хотела узнать, каково это - взять его в рот и сосать. Представляя его руки по всему ее обнаженному телу, она почти чувствовала, как он нежно кладет руку на затылок ее белокурой, красивой головки, пока она вводит его глубже и гладит его быстрее. Когда большинство женщин ее возраста коротко стригли волосы, а некоторые женщины больше походили на мужчин, чем на женщин, она была рада, что только подстриглась, ей нравились ее длинные пышные волосы. Она нанесла немного духов, свой любимый аромат, "Шалимар" от Guerlain, на шею, на грудь, на корочку руки и за коленом.

После многих лет дразнить его, показывая ему кусочки своего стройного тела, после многих лет вожделения друг друга, сегодня была та самая ночь. Устав от вторжения в ее мысли того, что думают о них другие люди, когда они сходятся для секса, пусть и тайно запрещенного, кровосмесительного секса, сегодня была ночь, когда они будут женщиной и мужчиной, а не матерью и сыном. Устав от одинокой игры в притворство, устав от одиночества и сексуальной неудовлетворенности, она устала притворяться, что занимается сексом со своим сыном, в то время как сама мастурбирует. Поскольку он, наконец, согласился воплотить ее сексуальные фантазии в реальность, он, наконец, был готов воплотить ее эротическую фантазию в жизнь. Мастурбируя, Дженис долго и упорно думала о сексе со своим сыном Джерри, чтобы превратить свою сексуальную мечту в эротическую реальность. Только она никогда не думала, что секс с ее сыном когда-нибудь произойдет, особенно после того, как он бросил ее и оставил

ее, чтобы жениться на ее клоне, Синтии.

И вот, когда все возвращается на круги своя, это случилось. Она не могла поверить, что их сексуальный союз наконец-то состоится. Больше никаких притворств. Никакой лжи. Никакого флирта и дразнилок, полных намеков. Это было действительно так. Сегодня была та самая ночь.

То, что она всегда хотела сказать, но никогда не говорила, потому что признаться в своей похоти было против ее здравого смысла из-за страха разрушить отношения матери и сына, она уже сказала сыну, что хочет его и хочет заняться с ним любовью. Нервничая перед признанием в своем сексуальном желании к нему, его нетерпеливый взгляд, полный сексуального предвкушения, показал, что он был так же возбужден мыслями о сексе со своей матерью, как она была возбуждена мыслями о сексе со своим сыном. Если бы он только знал, как много она думает о том, чтобы прикоснуться к нему, погладить его и пососать, прежде чем трахнуть его, он бы подумал, что его мать - мерзкая, кровосмесительная шлюха. И все же, не в силах контролировать свои пошлые мысли и похотливую страсть к сыну, Дженис никогда не хотела ни одного мужчину так, как сейчас хочет Джерри.

* * * * *

Одетая в свою самую сексуальную, облегающую ночную рубашку, ту, которая показывала все, даже ее веснушки и родимые пятна, с расстегнутой ночной рубашкой и идеальной формой, она лежала и позировала ему на своей кровати. словно японская наложница, ожидающая своего мужчину, она ждала с большим сексуальным предвкушением, как, по ее представлению, шекспировская Клеопатра ждала, когда ее младший брат, Птолемей, за которого она вышла замуж до Марка Антония, войдет в ее спальную комнату. Или, как если бы она была Мэрилин Монро, инцестуозно спящей с двумя братьями, в ожидании Джона Кеннеди и/или Роберта Кеннеди, которые освободились от политики, чтобы прибыть на их незаконное сексуальное randevu, она чувствовала себя так же порочно, как Клеопатра или Мэрилин Монро, должно быть, чувствовали себя, занимаясь запретным сексом.

Впервые за долгое время она снова почувствовала себя живой, а смерть мужа заставила ее чувствовать себя такой же мертвой, и она наслаждалась ролью матери, превратившейся в желанную диву, в кровосмесительную лисицу. В своей сексуальной ночной рубашке, показывающей много сисек и много ног, она распушила подушки и удобно устроилась на кровати, делая вид, что она всегда выглядит так же сексуально, как сейчас. Ей не терпелось увидеть его реакцию на то, что он увидит так много ее, пока она позирует и ждет, когда он подойдет к ней.

Это было оно. Кульминация многих лет запретных желаний, сексуальных дразнилок и кровосмесительного вожделения, наконец, пришла к сексуальному завершению. Наконец-то это должно было произойти. Сегодня ночью она не могла дожидаться, когда ее сын придет в ее спальню, чтобы прикоснуться к ней, ощутить ее, ласкать ее, ласкать ее, лизать ее и взять ее. Она не могла дожидаться, когда сын сделает ее своей сексуальной сучкой.

Что она должна делать? Как она должна играть свою роль? Должна ли она бороться или

подчиниться? Должна ли она притвориться, что ему нужно принудить ее, или взять все в свои руки, овладеть им и изнасиловать его? Играя на слух, она должна подождать и посмотреть, как он себя поведет или не поведет, чтобы понять, нужно ли ей соблазнять его дальше.

Вечер накануне Рождества и два дня до Рождества - это была ночь, когда она, наконец, собиралась заняться сексом со своим двадцативосьмилетним сыном. Не веря в то, что это когда-нибудь произойдет, долгое время он женился и развелся с Синтией, ее клоном, чтобы она поняла, что он хочет ее, и чтобы он наконец-то сексуально захотел свою мать. Ему некуда было идти, и он вернулся домой на рождественские праздники, чтобы жить с ней и быть с ней сексуально всегда, надеялась она.

Широко распахнув дверь своей спальни, она услышала, как открылась дверь его спальни и его шаги по коридору.

"Входи, Джерри. Моя дверь открыта. Дверь моей спальни всегда открыта для тебя", - сказала она, одарив его сексуальным взглядом, когда он появился.

Пригласив его в свою спальню, она, потрясенная и сексуально возбужденная, смотрела, как он заполняет ее дверной проем своей обнаженной формой. Голый. Ее сын был голым. Она не могла поверить, что ее сын был голым. Но что еще мог надеть ее сын для кровосмесительной связи со своей матерью? Уместно не одетый, ни во что не одетый - вот его идеальный выбор. Возможно, ей тоже следовало бы ждать его обнаженной, но в своей ночной рубашке, такой сексуальной, такой прозрачной и такой красивой, она предпочла бы оставить что-то для его воображения и что-то для того, чтобы он открыл ее для себя позже.

Словно в медовый месяц с его отцом, Дэвид, не в силах перестать смотреть на его обнаженный член, ее сердце учащенно забило, и она непроизвольно раздвинула губы, чтобы медленно облизать их. Прошло много времени, много лет, с тех пор как она держала член в своей возбужденной руке, сосала его во рту и чувствовала, как твердый член входит в ее влажную киску. Она не могла дождаться, когда он прикоснется к ней, почувствует ее, поласкает, облизет и трахнет, она не могла дождаться, чтобы прикоснуться к нему, почувствовать его, поласкать, пососать и трахнуть его.

Так как она была так откровенно обнажена, будучи сексуально одета в свою практически прозрачную сексуальную ночную рубашку, она не могла поверить, что он был голым. Впервые увидев его член за долгое время, с тех пор как она застала его мастурбирующим в его комнате много лет назад, она не могла поверить, что у него уже была эрекция, как доказательство его сексуального желания к ней. Насколько он был похож на своего отца в одежде, настолько же он был похож на своего отца полностью обнаженным. Как будто сегодня ночью призрак из ее прошлого приятно преследовал ее, он стоял там, перевоплотившись в своего отца, Дэвида. Того же телосложения и роста, у Джерри был такой же твердый член, как и у его отца.

Словно вне тела, она наблюдала, как он переместился на край ее кровати и пододвинул свой член достаточно близко, чтобы она могла взять его эрекцию в руку. Глядя на него сверху вниз, дрожащей рукой, прежде чем прикоснуться к нему, она ласкала головку его твердого члена своими ухоженными пальчиками. Затем, словно ее рука была предназначена для этого, она

обхватила его пенис пальцами и стала нежно и медленно поглаживать его.

Как было условлено до того, как он вошел в ее комнату, вначале не будет никаких разговоров, чтобы он поверил и смог притвориться, что Дженис - это его похожая на бывшую жену Синтия, а не его мать. Когда Джерри нашел женщину, похожую на его мать, чтобы жениться на ней, когда дома его уже ждала настоящая, она была ошеломлена первой встречей с Синтией. Пума, которая воспользовалась тем, что сын воцарился запретной любви своей матери, эти две женщины были настолько похожи, что могли бы быть сестрами, однояйцевыми сестрами-близнецами.

<http://erolate.com/book/1107/28414>